

МЕНТАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ (нидерландский контекст)

М.В. Korablina

MENTAL TOLERANCE (The Netherlands' context)

The article is devoted to the problem of mental tolerance in the Netherlands' context and represents a brief analysis of tolerance genesis in the Dutch society. The author considers that the phenomena of specific Dutch mental tolerance is the result of long-developed historical process, accumulation of different experience and therefore it is highly important to take into the account the experience of one of the most emancipated and tolerated societies while analyzing the problem of tolerance.

Властно ворвавшееся в российский вокабуляр слово «толерантность» всерьёз завладело нашими умами. Мы осознали, что включены в социальный и нравственный процесс, внутри которого вопрос о толерантности стал материальным, и признали, что нетерпимость не принесла нам никакой свободы. В наших притязаниях на «толерантность» видно «признание в ней минимального условия осуществления демократии, состоящего в признании многообразия интересов разных стран, народов, групп и индивидов» [4. – С. 6, 9].

Но зачастую специфический российский контекст дискредитирует понятие «толерантность», компрометирует её как один из демократических институтов, что происходит от незрелости общественного сознания, когда в результате негативно оценивается не тот или иной образ действий, а принцип толерантного отношения как таковой. В результате её соотносят то с индифферентностью, равнодушием, то с «беспринцип-

ным приспособленчеством, лицемерием и конформистской «всеядностью», «всеприятием», безадресностью; подобная инверсия толерантности, по мнению В. Гараджи, наблюдается в переходные эпохи [1. – С. 23, 26].

Нам представляется более точным назвать российское состояние «пациентным» (слово «patient» – «терпящий, страдающий», входило в один синонимический ряд со словом «tolerant» – «толерантный, терпимый» согласно этимологическому словарю начала XX века [8. – С. 1018–1019]).

Чтобы встать в ряд толерантных обществ на равноправном положении, нам предстоит грандиозная работа по созданию *плюралистического* общества, где «предпосылкой общественного согласия» будет являться «не толерантность сама по себе, а открытость, публичность гражданского общества» [1. – С. 28].

Пока в обществе и культуре не будет наблюдаться «факт плюрализма», то есть «взаимодействия *многих и разных* людей и групп», допущения контрарных, полярных мнений и точек зрения, критического мышления, свободы совести, настоящей толерантности не появится. Только плюрализм приведёт к «сужению сферы» единообразия, к расширению сферы индивидуального и разнообразного. Судя по тому, как исторически туго складываются наши отношения с «транспарентностью» и «терпимостью», барьеры придется брать высокие.

Ментальную толерантность М.Б. Хомяков определяет как «ненасильственное существование разномыслия» [5. – С. 9].

А.В. Перцев сужает данную формулировку, рассматривая ментальную (или интеллектуальную) толерантность в связи с мышлением философским, причём не только профессиональным, но и народным. Менталитет народа есть его системная *жизненная философия*, не что иное, как «способ выражения предельных оснований для выбора жизненной стратегии, которая затем выражается в жизненных тактиках и в каждом отдельном поступке». Такая философия складывается из «*само собой разумеющихся*, а потому уже не осознаваемых, принимаемых неосознанно жизненных установок» и определяет образ жизни народа. Народ («люди практические», «непрофессиональные философы») использует свой ум для ориентации в мире и для выбора оптимального способа действий в нем. Жизненные философии утверждаются в обществе как доминирующие, они могущественны, самодостаточны и могут существовать без философии профессиональной. Потребность в них витальна. Что же касается «высокой», «профессиональной» культуры (философии, теологии, науки, литературы, искусства и т.д. в соответствии с классификацией Ф. Минюшева), то её представители находят «импульсы для своего вдохновения» именно в жизненной философии народа, которая представляет собой некую посредствующую область между повседневной практической деятельностью народа и профессиональной философией [2. – С. 161–177].

Современные словари предлагают следующие денотаты: «качество терпимого отношения к мнениям, верованиям, обычаям, поведению и т.д., отличных от наших собственных» [9. – С. 910]. Или «быть терпимым к взглядам Другого», «допускать вариации, отличные от стандарта», «уважать взгляды, привычки и т.д. Другого, не разделяя их» [10. – С. 620].

Нам представляется важным рассмотреть вопрос о ментальной толерантности в контексте культуры Нидерландов, в пределах эмансипированного и самого опытного по части толерантности социума, чтобы убедиться в том, что данное отнюдь не врождённое, а исторически приобретаемое качество формируется постепенно, в процессе накопления разнообразного жизненного опыта и огромной духовной работы, становясь её следствием. Толерантность в данном локальном пространстве являет себя в виде уникального феномена. Задержимся на некоторых подтверждающих эту идею рассуждениях.

Меняясь на протяжении истории в своих значениях, понятие «толерантность» прошло в нидерландском пространстве длинную цепочку развития, включая и такие смыслы, как «выносливость, способность переносить жар и холод, труды и битвы, боль и горе». Является фактом, что голландцы, создавая буквально на воде свой рукотворный ландшафт, вынесли мощное природное, физическое и моральное давление, когда все системы их организмов работали с сильным напряжением, нарабатывая устойчивость к трудностям и стрессам.

Задолго до того, как толерантность «вошла в фундаментальную схему европейских ценностных различий в Новое время в ходе формирования основных институтов либерального гражданского общества» (В. Гараджа), у нидерландского этноса она сформировалась как моральная, психологическая и ментальная установка, изначально продиктованная не только сложностями ландшафта, но и чрезвычайной «малостью» физического пространства, когда поиск оптимального «качества реальных отношений между людьми» был первичен и интенсивен. На территории современных Нидерландов толерантность до сих пор во многом диктуется соображениями практического свойства. При густоте народа 428 человек на каждый квадратный километр (самая высокая в Европе плотность населения, вторая – в мире), а на территории западно-голландской конурбации «Рандстад Холланд» – до 2000 человек на 1 км² – она логична. На это обстоятельство как на причину устойчивой и высокой толерантности, приспособляемости, владения искусством переговоров постоянно указывают сами голландцы [7. – С. 11].

Именно в этой стране толерантность постепенно кристаллизуется в монолитную ценность, выступает в качестве «устойчивой модели действия», которая связана с потребностями общества и регулируется опре-

делёнными нормами и установками. Она не просто становится воздухом, которым дышат, уже не осознавая, что в его составе она «есть»; толерантность определяется обществом и государством в качестве «всеохватывающего порядка человеческой жизни, включая политический строй, культуру, право и мораль» и устанавливается как «безусловно обязательная норма поведения» [1. – С. 19].

Существует много фактов, подтверждающих, что именно на территории и в культуре Нидерландов, где ментальному свойству народа принять чужие и разные точки зрения правомерно диагностировать «хроническое», «табитузное» состояние, можно проследить цепочку, почему и откуда появилась и развилась та самая толерантность, о которой сегодня так много спорят в России. Этому содействовали обширные морские контакты, способствовавшие оформлению навыков толерантного диалога, сложению особого дипломатического таланта (во времена самой глухой изоляции Японии единственными допущенными до фильтрованного общения с ней были голландцы). Географическое расположение между романским и германским мирами также дало неоспоримые преимущества Нидерландам, предоставляя стране возможность сыграть историческую посредническую роль между Центральной и Западной Европой (Й. Хёйзинга). Крепла уверенность этноса в том, что «в разнообразии мнений есть залог полноты жизни», в том, что правила ментальной толерантности должны стать повседневными правилами жизни.

Родившись в недрах народного сознания, став жизненной установкой, привычкой, толерантность находит свое выражение в философских концепциях, верованиях, то есть получает профессиональное философское обоснование. Мы не вполне согласны с мнением В. Гараджи, утверждающим, что требование толерантности и мировоззренческого плюрализма получило своё философско-мировоззренческое обоснование и социальную опору в эпоху Просвещения, что именно с этого времени толерантность стала рассматриваться «в нравственно-правовом поле как моральное качество личности». В качестве причины автор называет секуляризацию, сделавшую возможным принципиальное разграничение между религиозной и социальной сферами жизни общества [1. – С. 19, 20].

С этим можно согласиться, имея в виду другие европейские страны, в то время как в нашем случае речь идёт о чрезвычайно эмансипированном социуме (пожалуй, самом эмансипированном социуме того времени), где процессы секуляризации, в частности, и соответственно выход проблематики толерантности в «нравственно-правовое поле» прошли гораздо раньше, чем наступила эпоха Просвещения. М.Б. Хомяков убедительно проследживает корни толерантности в раннем средневековье и анализирует связь проблемы толерантности и христианской философии, считая необоснованным отсчитывать дату «рождения» толерантности со времён Локка и его писем о терпимости [6. – С. 333-381].

Подчеркнём лишь тот факт, что многие крупные средневековые философы, такие как Сигер Брабантский, Хендрик Гентский, Вильем из Мёрбеке, Годфрид Фонтенский, Ян Ван Рейсбрук, Герт де Гроде, Фома Кемпийский, были уроженцами исторических Нидерландов. Во многом благодаря им понятие толерантности развивалось от веротерпимости (в рамках проблемы религиозной свободы и свободы совести) к более широкой трактовке. В частности, Э. Роттердамский уже представил терпимость как установку, вытекающую из принципа любви к ближнему, толерантность как позицию каждого человека. Э. Роттердамский, вышедший из Девентерской школы, основал целую гуманитарную науку, понимающую и воспринимающую всё богатство существующих идей. Глава северно-европейского гуманизма эпохи Возрождения ратовал за непредвзятый и критический стиль мышления, трезво осознавая как достоинства, так и относительность добываемых им истин, проявляя уважение к чужим взглядам, что идентифицируется сегодня как сущность «эразмианства».

Сам факт, что первое философское сочинение на национальном нидерландском языке, а не на латыни, появившееся после образования независимых Нидерландов в 1586 г., называлось «Этика, или Искусство правильно жить» Дирка Корнхерта, проповедовавшего веротерпимость и учение о свободе воли человека, говорит о том, что в ценностном поле ей давно придавалось большое значение.

Право на толерантность нидерландское общество заработало в ходе долгой и кропотливой работы по осмыслению того, что есть самый правильный и приемлемый способ жить в мире без насилия. Это – выстраданное право, заслуженное в результате переживания и осознания экономического, политического и религиозного гнёта со стороны испанцев, в противостоянии которому формировались принципы толерантности, которая «назрела» в Нидерландах не просто так, а по внятным причинам, и не где-то, а именно здесь. Та самая «умственная чувствительность», по выражению Э. Соловьёва, в отношении требования свободы исповедания, свободы проповедования своей веры зрела на фоне нетерпимости, в условиях тяжелой духовной ситуации (раскола, жестоких религиозных войн, преследований, огромного ущерба, нанесённого культуре). С. Цвейг видит в этом нечто парадоксальное, но, как и другие страны, которые «сильнее всего были проникнуты духом нетерпимости», Нидерланды «поразительным образом стали первыми убежищами веротерпимости» [3. – С. 80].

Идея толерантности настолько крепко вросла в сознание голландских протестантов, что они в тот момент попросту запретили посягать на свободу совести, заключив Утрехтскую унию (1579 г.) – договор о взаимной терпимости. Пройдя через конфликт мировоззрений, верований, они пришли к пониманию того, что свобода совести – это главное из всех человеческих прав, это общее благо. В «горниле» Реформации, драматичного, но духовно

продуктивного процесса, в результате решительного «нравственного прогресса» появился *ценностный* взгляд на толерантность. Она «превращается в моральную добродетель, а нетерпимость – в нравственное зло» (М. Хомяков); она рождается как «категорический принцип веротерпимости (или толерантность как принцип)», как «высокий этический принцип» (Э. Соловьёв).

Об этом периоде один из известных русских толерантных людей говорил в своём «Первом философическом письме»: «Пускай поверхностная философия сколько угодно шумит по поводу религиозных костров, зажженных нетерпимостью, – что касается нас, мы можем только завидовать судьбе народов, которые в этом столкновении убеждений, в этих кровавых схватках в защиту истины создали себе мир понятий, какого мы не можем себе даже и представить, а не то, чтобы перенестись туда телом и душою, как мы на это притязаем» [3. – С. 66].

Постепенно в Нидерландах исторически формируется особое интеллектуальное пространство, сознательно поддерживается атмосфера «открытой философии» с чётким следованием принципам толерантности, развивается традиция качественной коммуникации. Золотой век Нидерландов стал главной кульминацией развития культуры этноса во многом потому, что в пределах приблизительно одного исторического времени в толерантном пространстве Нидерландов сосредоточивается целое созвездие крупнейших философов («цвет» мировой авторитетной философии того времени), отнюдь не случайно собравшихся именно здесь. В определённый момент данное ландшафтное пространство (как географически, так и смыслово) явилось для них единственно возможным комфортным «рабочим» пространством (независимость и свобода – основное условие для плодотворных умственных занятий), так как все они оказались Инакими, посторонними для своих «родных» интолерантных пространств.

В 1614 г. в Амстердам бежал мыслитель-вольнодумец Уриель Акоста, в основе «естественной» религии которого лежит разум и любовь к ближнему. Друг Брейгеля – гравёр и религиозный философ Корнхерт бежал в Голландию от испанских преследователей. Рене Декарт, переселившийся в Нидерланды в 1629 г. после нескольких лет путешествий, провёл 20 лет в уединённых научных занятиях. Именно здесь вышли его главные сочинения – «Рассуждение о методе» (1637), «Размышления о первой философии» (1641), «Начала философии» (1644). Другой француз Пьер Бейль, ранний представитель Просвещения, чьё мировоззрение сформировалось под влиянием философии Декарта и естественнонаучных открытий XVII в., был профессором Роттердамского университета с 1681 по 1692 г. В своём «Историческом и критическом словаре» (1695) П. Бейль развивал идеи веротерпимости и утверждал независимость морали от религии. Здесь «дышит» воздухом веротерпимости во время своего семилетнего изгнания английский философ-просветитель Д. Локк, которому ставится в заслугу фиксация и «объяснение генетической системности прав человека». Возвратившись на родину в 1689 г., выступая против религиозного фанатизма различных сект, Д. Локк стал настойчиво призывать к веротерпимости, посвятив защите религиозной свободы свои знаменитые четыре письма о веротерпимости (1689, 1690, 1692, 1706). Думается, что появились эти знаменитые письма во многом благодаря «толерантному воздуху» Нидерландов. Семья Спинозы в своё время также бежала в Голландию по религиозным мотивам. В этике Спинозы, в центре его концепции секуляризированной морали находится понятие «свободного человека», руководствующегося в своей деятельности только разумом. Лейбниц, которому суждено было обобщить весь философский багаж XVII в. и теоретически осмыслить его, едет в Нидерланды, так как чувствует, что именно здесь наиболее мощно сконцентрировалось философское новое, громадное и существенное; едет к Спинозе и целый месяц проводит в плодотворных беседах и дискуссиях с ним, получает рукописный экземпляр его «Этики». Кроме того, «сочное» голландское философское пространство посылает ему флюиды в виде идеи ученика Декарта, Арнольда Гейлинкса, профессора Лейденского университета, родоначальника окказионализма, доказывавшего невозможность взаимовлияния души и тела и уподоблявшего их двум часам. Позднее именно этот пример Лейбниц использует для теории «предустановленной гармонии». Материалист Т. Гоббс везёт публиковать своего «Левинафана» в Нидерланды, так как в то время нигде больше невозможно было *опубликовать* такую «крамолу», что Бог – плод нашего воображения.

Совершенно очевидно, что один из главных эпицентров европейской научной революции XVII в. находился в пространстве Нидерландов. Здесь появились новые фундаментальные теории, новые научные методы, новые объекты научного исследования. Философия кардинально освободилась от схоластики и стала наукой. Познание мира стало осуществляться очень быстрыми темпами. «Истина» рождалась в диалоге учёных. Авторитет знания, добываемого наукой, в частности философией, в Нидерландах невероятно возрос. Знание просто стало силой. Отныне основой философского познания становится не вера, а разум, опирающийся на логику и факты. Примечательно, что родоначальник рационализма Р. Декарт, доказав, что разум человека – главное орудие познания мира, впервые предьявляет эти идеи в Нидерландах.

Принимая в свои границы наиболее прогрессивных людей Европы с разными концепциями, Нидерланды обогащали своё культурное пространство и отсылали обратно в мир новые, сформировавшиеся идеи, которые сыграли впоследствии большую роль в развитии европейского свободомыслия. В стране, где возможно и приветствуется существование разнообразия (в мыслях, идеях, способах жизни, свободном выборе и т.д.), совершенно естественно рождаются передовые концепции и тенденции во всех областях, так как всё «сцеплено» со всем и в интеллектуальном пространстве. Но что значит тезис о свободе мысли без его обоснования в теории права? И в этой стране рождается один из основателей теории естественного права и науки международного права, Гуго де

Гроот (Гроций), голландский юрист, историк, социолог и государственный деятель. В своей запрещённой папой за явный антиклерикальный характер книге «О праве войны и мира» (1625) тонкий дипломат и опытный правовед доказывал, что «подлинными инструментами благоденствия на протяжении целой жизни человеческого рода были объединения замирительные и согласительные, этически обуздывающие спонтанность противостоящих друг другу идейных страстей». Г. Гроций первый утверждает формулу справедливости, которая позднее станет господствующей.

Уважая интеллект и ценя разнообразие мысли, голландцы возьмут за привычку давать «приют» учёным, «выброшенным» из «родных» пространств, предоставляя им лучшие кафедры в своих лучших университетах и возможности для плодотворной работы. Равно как и писателям, художникам и т.д. Дом Анны Франк (на Принсенграхт в Амстердаме) решением общества предоставляется для проживания «отверженным» писателям и учёным.

Нет необходимости доказывать, сколь много теряет пространство, «выталкивающее» из своих пределов то, что ему кажется чуждым или опасным, якобы грозящим нарушением порядка и спокойствия (в этом смысле Россия может предложить много примеров). Открытое толерантное пространство, готовое «принять» изгнанников и предоставить им спокойное и безопасное место не только для физического, но в первую очередь, духовного сохранения себя, собственной свободы и возможности творить, проявляет себя мудро, приобретая нечто очень ценное. Оно имеет возможность абсорбировать Новое, и таким образом сохраняя собственную индивидуальность, обогащая своё пространство. Как водится исторически, «чужими» и опасными в первую очередь становятся люди, мыслящие иначе, свободно или крамольно, мыслящие люди, «творческое меньшинство», по выражению А. Тойнби, которое, по сути, одно и способно двигать общество вперед. Инертное большинство считает быстрым и удобным способом избавления от инакомыслящего – «вытолкнуть» его из своего пространства. В категорию неудобно мыслящих первым делом попадают философы, учёные, писатели, поэты, другими словами, люди, творящие в области опасной: поиск Истины, Свободы, Прав человека, Нового в науке и искусстве.

В смысловом ландшафте Нидерландов среди культивируемых либеральных ценностей стоит прежде всего ценность интеллектуальной свободы. Это та ценность, которая в образе-мифе нидерландского пространства располагается в «ядре». Терпимость – не только одна из старых позитивных протестантских ценностей, но и хорошая традиция, доставшаяся голландцам в наследство, к которому они бережно относятся. Свою выстраданную толерантность голландцы тщательно охраняют и следуют ей с верой, что она есть необходимейшее условие благополучного и свободного развития их страны. Они воспроизводят её как инструментальную ценность из поколения в поколение. Стабильная демократическая небольшая страна с «большой» толерантностью, точно знающая, что это такое и зачем она им нужна. Здесь о проблеме «толерантности» не спорят за очевидностью ценности, так как терпимостью «крепко» пропитано всё пространство; она здесь адекватна и естественна, отложилась в национальных традициях и нравах. Получилось, что не только место обрело функцию и смысл (толерантности), но функция и смысл нарастили своё место (В. Каганский). Специфичность голландского понимания толерантности имеет в своей основе в первую очередь идею безусловной равной нравственной ценности человека, идею свободы личности, когда каждый индивид осознаёт собственное право на свободную самореализацию и очевидность этого права для других. В этом смысле мы склонны назвать это «высокой» толерантностью. Когда общество в целом рассматривается не как состоящее из безликих нравственных нулей, а в качестве *многоцветья* личностей, обладающих правом на самобытность и признающих это право за другими (В. Шаповалов).

Сегодня толерантность наряду с «диалогом» и «преемственностью культур» выступает основным средством в сохранении «национальной и культурной идентичности», но «быть толерантными по отношению к другим» способны только люди и народы, знающие, кто они такие» [12. – С. 21]. Она не появляется вдруг, ниоткуда, указанием сверху. Она культурно прививается, кропотливо и длительно *воспитывается*.

Таким образом, специфическая голландская толерантность не есть индифферентность, снисхождение, невозможность взаимопонимания, просто уважение. Это – признание за другими права быть другими, не соглашаться с нами; это – позиция, выработанная в ходе «последовательного мышления», «правовой образ мысли», «выдержка в признании чуждого и отведение насилия ото всего, что является не более чем убеждением», неупотребление силы для вмешательства во мнение или действие другого, даже если они не совпадают в чём-то важном от мнения или действия субъекта толерантности, даже если последний морально не согласен с ними (П. Николсон). Специфическая голландская толерантность имеет как *внутреннюю* ценность, выступая как благо, добродетель, достойная воплощения в жизни, так и *инструментальную*, необходимую для морального прогресса человечества. Она *продиктована признанием ценности свободы и есть показатель высокого уровня культуры* – мировоззренческой, политической, правовой и религиозной.

Выходя за рамки формирования «толерантного сознания», проблема толерантности является проблемой формирования толерантного общества, которое, санкционируя толерантность как модель поведения, способно обеспечить условия гармоничного сосуществования различных культур и традиций и создать эффективные средства противодействия вражде в условиях мировоззренческого и политического плюрализма [1. – С. 21, 25].

Содержание толерантности постоянно наполняется все новыми контекстами, что является логичным в исторической эволюции цивилизации и культуры. Важно осознавать, что сегодня, когда на первый план выходит

«многомерный диалог» культур и участие в нём становится важнейшим условием развития любой культуры, умение вести такой диалог зависит во многом от наличия и качества толерантности. Толерантная культура позволяет человеку объединяться с другими не только на основе сходства, но и различия, отличия, взаимодопущения и взаимодополняемости.

Литература

1. Гаралжа В. И. Толерантность и религиозная нетерпимость / В. И. Гаралжа. *Философские науки*. М., 2004. № 3.
2. Перцев А.В. Размышления о ментальной толерантности (материалы к лекциям) / А.В. Перцев // Толерантность: материалы летней школы молодых учёных «Россия – Запад: философские основания социокультурной толерантности». – Екатеринбург, 2001. – Ч. 2.
3. Соловьев Э.Ю. Генезис прав человека и исторические истоки толерантности / Э.Ю. Соловьев // Толерантность: материалы летней школы молодых учёных «Россия – Запад: философские основания социокультурной толерантности». – Екатеринбург, 2001. – Ч. 2.
4. Федотова Н.Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность / Н.Н. Федотова // *Философские науки*. М., 2004. № 4.
5. Хомяков М.Б. Толерантность как социокультурная проблема / М.Б. Хомяков // Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт. – Екатеринбург, 2000.
6. Хомяков М.Б. Проблема толерантности и христианская философия раннего Средневековья / М.Б. Хомяков // Толерантность: материалы летней школы молодых учёных «Россия – Запад: философские основания социокультурной толерантности». – Екатеринбург, 2001. Ч. 2.
7. Rooi M. How to survive Holland. / M. Rooi. Weesp, Dutch Publishes, 2007.
8. Chamber's Twentieth Century Dictionary of the English language. – London, 1908.
9. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford, 1974.
10. Webster's New World Dictionary. – New York, 1995.

Literature

1. Garadzha V. I. Tolerance and religious intolerance. *Philosophical sciences*. Moscow, 2004. – № 3.
2. Pertsev A.V. Reflections about mental tolerance (materials to lectures) //Tolerance: Materials of summer school of young scientists «Russia-West: the philosophical bases of socio-cultural tolerances». P. 2. – Ekaterinburg, 2001.
3. Soloviev E.Ya. Genesis's nightingales of human rights and historical sources of tolerance / E.U. Soloviev //Tolerance: Materials of summer school of young scientists «Russia-West: the philosophical bases socio-cultural tolerances». P. 2. – Ekaterinburg, 2001.
4. Fedotova N.N. Tolerance as world outlook and tool value. *Philosophical sciences*, Moscow, 2004. – № 4.
5. Khomyakov M.B. Toleranse as socio-cultural a problem //Tolerance and a nonviolence: the theory and the international experience. Ekaterinburg, 2000.
6. Khomyakov M.B. Problem of tolerance and Christian philosophy of the early Middle Ages //Tolerance: Materials of summer school of young scientists «Russia-West: the philosophical bases socio-cultural tolerances». P. 2. – Ekaterinburg, 2001.
7. Rooi M. How to survive Holland. / M. Rooi. Weesp, Dutch Publishes, 2007.
8. Chamber's Twentieth Century Dictionary of the English language. – London, 1908.
9. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. / A.S. Hornby -- Oxford. 1974.
10. Webster's New World Dictionary. – N. Y., 1995.

Кораблина Марина Викторовна – соискатель Уральского государственного университета им. М. Горького, кафедра культурологии, старший преподаватель кафедры иностранных языков Тюменской государственной академии культуры и искусств. Адрес: 625053, г. Тюмень, ул. Боровская, д. 2 Б, кв. 88.